

Наталья Белоненко

А после...

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84(2)6
Б43

Белоненко Н. ".

А после... / Белоненко Н. " — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 179 с.

ISBN 978-5-532-94746-7

Пара (50 тысяч) слов о том, какой разной природы бывает наивность, и как по-разному можно применить хитрость. У всех девочек в 15 был свой "ДжонниДэпп". И однажды бывшую фанатку настигло ее не слишком славное прошлое в лице школьного возлюбленного, позже ставшего звездой в составе группы друзей. Но потом парни выросли. Растеряли свое мальчишество, а вместе с ним и шумный успех. И что же дальше? Поклонницы тоже растеряли свою слепую преданность, и больше сложными вопросами давно не задавались. И все же эпичное прошлое не могло не оставить свой отпечаток. Один из этих мальчишек — поистине творчески талантливый и яркий... высокофункциональный аутист. И никогда бы не заявил о себе, не встретиться на его пути человек, знающий какие-то секреты проникновения в души людей, зовущиеся Харизмой и эмпатией, который способен был из каждого достать лучшее. Что же выйдет из этой дружбы, и из этой встречи? Видели книжки-музиклы? Теперь да) Книга публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

ISBN 978-5-532-94746-7

© Белоненко Н. ".", текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1. С прошлым в догонялки	4
2. Гость наизнанку	41
3. Почувствуй разницу	52
4. Торжества и тождества	105
5. За поворотом...	148
6. Вокруг да около	157
7. PS	174

1. С прошлым в догонялки

начало 90х, конец весны

северо-восток США, пригород мегаполиса.

Youssou N Dour & Nennah Cherey — 7 seconds.mp3

Она прижалась спиной к захлопнувшейся изнутри входной двери, пытаясь отдышаться. В голове побежали раскадки замедленной съемки: поворот головы, взгляд... Как удар поддых.

Она давно выросла из возраста старшей школы. Уехала, поступила, выучилась, живет в другом городе, преуспевает. Она давно оставила позади ту комнату на втором этаже, с которой давно сняты все плакаты, и упакованы вместе с журналами в чердачный/гаражный архив, позабытый навеки... Алтаря давно нет, есть чистая светлая маленькая комнатка, в которой больше никто не живет.

Даже воспоминания.

Она просто приехала в гости к родителям.

Родители. Где родители? Они ничего не видели?

Они наверху. У себя. Нужно продышаться и умыться. Только сначала — отлепить спину от двери.

И выглянуть в окно.

да. И обнаружить, что там ничего нет. И никого.

Может, показалось?

Нет. Не показалось. Она изучала в деталях сотни фото. Как бы ни изменилась внешность, она... черт, да она, кажется, всеми инстинктами почует его на расстоянии.

Но какое все это теперь имеет значение?

Нет там никого. Надо просто убедиться. Шаг в сторону, и повернуть голову. Да, вот туда. Ок. Только не сейчас. Позже. Да?

Все, довольно, глупости. Она приехала к родным на День Матери. А не играть в догонялки или в прятки с привидениями. Да. Может, просто показалось. Некоторым не обязательно «отдавать концы» чтоб становиться призраками. И мерещиться потом в провинциальных переулках среди бела дня. Потому что кроме как мерещиться... Где теперь оннН, и где эти переулки...

А ведь в его семье тоже чтится этот праздник и собираются отовсюду все дети, еще бы... Столько то...

А еще у него день рождения через пару дней после сего торжества.

Но откуда ей-то все это знать? Не имея никакого отношения...

Эта история напоминала когда-то сюжет фильма «Привет, Джули». Однажды в преддверии старшей школы она просто увидела в опустевшем спортзале мальчика, кидавшего мяч по кольцу. А потом — скользящего мима по коридорам. И мелькавшего то тут то там. Какого-то намагниченного мальчика, хотя это будто никто кроме нее не замечал. Этот профиль просто отпечатался у нее в мыслях: его манерка двигаться, ухмыляться чуть вампирской улыбочкой, ведь тогда он еще и не помышлял о брекетах на чуть развернутые верхние «двойки». Он просто ходил мима, опуская темный рассеянный взгляд. Ни с кем особо не тусовался, не задибался. Не встречался. Ничем особым не выделялся. Правда, со старшим братом, учившимся здесь же, за углом в 11ти кварталах, вроде занимался модными танцами. А когда-то до переезда — они, вроде, пели в школьном детском ансамбле. Однажды она подслушала, что они с Шоном — младшие из 5 детей... и какой же драгоценной казалась ей эта информация.

Кто ж знал, что потом эту подробность биографии будут смаковать и тиражировать глянцевые журналы?!!

Но тогда этот мальчик, его неброская прелесть — были только ее секретом. Она была рада, что он не замечает ее, иначе распознал бы наверное ее преданный взгляд, и обоим стало б неловко. Казалось, всему свое время, и наступит момент...

а потом он с братом пошел на кастинг. Их повел туда общий друг. Лэйтон Дэйс — бойкий и пижонистый выдумщик и балагур, признанный школьный «Джокер». К тому времени уже подзабылось его детское прозвище — Фокси. Лисенок. Миловидный простоватый кареглазый «златовласо»-рыжеватый блондинчик с хитрым улыбающимся взглядом. Персонаж, который всегда окажется

в центре событий. Она помнила его с первых школьных дней. Сначала его семья была известной просто из-за количества ее членов, здесь обучившихся, но позже этот факт стал лишь приложением к его личной биографии. Здесь обучались его мама, тети, кузены, не считая бти предшествующих ему родных старших братьев и сестер, а позже — еще и младшего. Все они — слыли местной легендой, но потом лишь живописно дополнили персональную Историю Фокси. Правда, в ту пору он уже не был Фокси — если только для «старожил». Тогда это уже был мистер популярность старшей школы — отчаянно стильный, сказочно обаятельный, шутивно-нагловатый, находчивый участник всех творческих замесов и тус — шумный, стремительный, игривый,

и слишком заметный, чтоб замечать... По крайней мере — скромняг. Но один классический (если не сказать — клинический) скромняга — оказался братом его друга...

И все перевернулось. Сначала Оннин просто был очень занят — пропадал на репетициях. Потом парни выступили на школьном концерте, затем — на улицах города. На праздниках, выставках, «разогревах». Время шло, и в ее секрет вторгалось со больше восторженных девчонок, таких же как она, перешёптывающихся про него. Вскоре парни впервые появились на местном тв. А потом...

Сметающая все на свете лавина: концерты, тв и радио эфиры, чарты, промо, туры, самолеты,

сплетни,

и деньги. Огромные по слухам деньги.

Теперь его имя произносили уже не шепотом. Оно гремело в разных голосах, уже не только девчачьих. Поначалу Оннин был младшеньким в команде, но его танцы азартом и оторванностью не уступали танцам заслуженного хип-хопра Лэйтона, а голос, взлетающий от легкого тенорового до фальцетного — поразил музыкальных знатоков. И он вдруг вышел на первый план! Даже не неудержимый Лэйтон! Она продолжала хранить секреты, что он скромен и застенчив, и не всегда безупречен в поведении и реакциях, но предатели медиаисточники все больше разрушали актуальность ее эксклюзивных секретов. Он стал трендом, который нужен всем, и все более

идеален. Телеоператоры и фотографии из глянца знали свое дело. Все её персонально-тайное стало явным. И очевидным. СобираТЕЛЬный образ идеального американского школьника и «короля выпускного бала», и в то же время — один такой — из тысяч и тысяч...

И всем издали без разницы, что реакции школьного невидимки еще недавно были далеки от идеала, а королем бала он так и не стал, потому что школу так и не закончил. Кого это теперь волновало? Эксклюзив, и точка.

Теперь его окружали толпы. Бесконечные стены из людей, отделившие его и поглотившие в пучину. Те, кто, как и она, ощупывали оттиски его изображений своими жадными глазами и залетами воображения. Непреодолимый буфер из людей, расстояний, слов и оттисков. На всевозможных информационных носителях. И с какого-то момента... она больше не видела его живьем: только фото и тв. И голос по радио. Повсюду, будто всеобщее достояние. Его вместе с остальными прославившимися парнями, друзьями из все той же их школы — Шон, Круз, Лэйтон — которых она тоже заочно знала и видела еще недавно, забрали на индивидуальное обучение. И она долго потом помнила тот последний раз, когда могла дышать с ним одним воздухом, когда могла сделать пару шагов и коснуться, когда могла сказать ему что-то и быть услышана. Он выходил тогда из школы... и похоже, из ее жизни. Но кто ж тогда знал?

И все, этот последний шанс был утрачен. А дальше — только та комната, где со стен на нее пристально, проникновенным взором смотрел тот, чьего взгляда она так и не сумела когда-то за несколько лет поймать живьем.

Да, сначала это напоминало фильм «Привет, Джули». А потом стало похоже на фильм «Пока ты спал». Точь-в-точь так же она проживала целую жизнь с ним, вовлекая все окружение, пока он о ней даже не знал! В этом тумане прошла ее подростковая юность. Несколько лет пробуждений под взглядами с постеров и томительного ожидания новостей из журналов и тв, и игр воображения — смысл жизни как мягкая вкусная отава. Все ее мысли и чувства тогда были пропитаны этим образом, все события проходили под эгидой этого имени, все знакомства и достижения покрывались вуалью этих

пустых надежд. В 17 она ревела от безысходности, вновь и вновь как заговоренная смотря, как он поет в распахнутой белой рубашке под ветродуями. А потом просто ...

выздоровела.

Она преодолела все это. Попрощалась с плоскими обманщиками. И зажила своей жизнью. Реальные парни, новые самостоятельные интересы, достижения ради себя, самодостаточность пробуждений по утрам. Она даже не вздрогнула, узнав, что его группа распалась, и не ощущала голода, когда он исчез из эфиров, экранов и страниц. К тому времени, чуть менее года назад, он был уже совсем из другой, чужой истории.

Она давно выросла из возраста старшей школы. Ей скоро 24.

Тогда какого черта она бросилась бежать, словно увидела привидение?

В первый раз в жизни поймав живой взгляд, изученный с плакатов. Прицеленный.

Ничего, минутное помутнение. Нужно встряхнуться и накрыть ужин родителям. А его уже нет. Его давно уже нет.

Ни в ней, ни тут.

И тут она сначала почувствовала вибрацию спиной, а потом ощутила звук.

Стук. И в этот же момент — вопросительные взгляды сверху — мамы, а потом и папы с верхних ступенек.

— Тассмин Мэйнсворд? Привет! Ты дома? Помнишь меня, мы учились в старшей школе?

«не помню» — хотелось ответить ей этому грубоватому непрошенному вторжению, но она помалкивала, лихорадочно соображая, как совладать с лицом. Стараясь удержать дверь и одновременно беспомощно следя за неотвратимо надвигающимися на нее родителями.

И да, она почти не удивлена. Она в курсе, что у него всегда была отменная память. Он схватывал на лету и с легкостью повторял на слух любые тексты, мелодии, списки... Так чему удивляться...

Но дверь вибрировала и настаивала.

— Я тоже в гостях у родителей. Доброе совпадение, да?
Доооо... на традиционный то семейный праздник... Неожиданно!

— Это мило, встретиться вот так, верно? Могу я войти?

Что ему нужно?? Зачем?? А они — к чему вот? Отправляйтесь к себе, ну же! Можно вот сейчас — без соучастия???

Она удержала бы дверь, но родители с вопросительными лицами спустились в кухню, и лучше б эта вопросительность так и оставалась на лицах,

но она — прозвучала:

— Тэмми! Почему ты так бежала?

Они видели.

Дверь притихла. Но атаки с двух сторон, пускай и поочередной, выдержать она была уже не в силах.

Ну и куда теперь деваться? Он услышал это. Разоблачение. Да и появившись буквально через полминуты, он наверняка видел, куда она делась. Где она спряталась. Укрылась.

От чего?

И если уж он ударился в догонялки, теперь прятаться глупо. Еще глупее, чем было убегать.

Какие нелепые детские игры, выругала она себя. Подталкиваемая выжидательностью родителей, глотнула воздуха, и надев на свой нелепый детский испуг лицо Опры, деловито развернулась и распахнула дверь.

Услышала, как охнула за спиной мама. Которая прошла с ней весь этот фанатский путь. Которая утешала, ругала, увещевала, доказывала и интересовалась вместе с нею просто чтоб не отдаляться от своего обуреваемого эмоциями и гормонами подростка. Она тоже сразу узнала. Хотя теперь узнали б и не многие.

Он был не похож на того культового 20-летнего мальчика-Икону 5-летней давности. Прическа под Элвиса «с ветром», 12-бальным уроганом в волосах — сейчас ровно обыденно острижена и нейтрально легла темным округлым чуть шершавым покрывалом на свое место, непривычно укрывая лоб, и делая былой открытый наивный взгляд — настороженным и немного хищным. Чистое нежное

глянцевое обычно лицо оказалось покрыто неровной щетиной. А вместо привычных классических элегантных костюмов ошеломительных цветов на нем обнаружилась какая-то растянутая темно-синяя майка с белой надписью, неряшливая ветровка и широченные варенки. Сейчас он больше напоминал скандалиста их группы — Лэйтона, чем самого себя образца популярности — легкого, элегантного, энергичного, собранного, респектабельного, распахнутого. Сейчас на нее уставшим взглядом смотрел потрепанный тип, которому она не открыла бы дверь,

если б не глыбы ассоциаций. Впрочем, они тоже не сильно в этом помогали.

Последний год, невольно вспомнила она, группа заметно сдала. Милые школьники, покорявшие своей непосредственностью страну за страной, неминуемо выросли, и откровенно говоря, приелись публике. Хулиганы начали остепеняться, и, пожалуй, уставать, а нежный прелестник романтик в 23 смотрелся уже не столь органично, как в 17–19.

Вдогонку бывшему в прошлом году группа выпустила еще один альбом, где негласный солист, чьим голосом исполнена большая часть музыкальной составляющей проекта и легендарностей, предстал в новом облике. Видимо, была предпринята довольно решительная, если не сказать — отчаянная, попытка трансформации, переформатирования первого лица. Очаровательный и безмятежный, немного ретро-консервативный собирательный образ Элвиса и Майкла Джексона, с нежным голоском, он вдруг научился за чем-то хип-хопистым жестам и гонорку. Без трендового чутья Лэйтона тут явно не обошлось, тот всегда угадывал «куда ветер дует», и опережал все модные веяния.

Но несмотря на свою природную сценическую органичность, «фронтмен» принят в новом образе не был. Не было принято его взросление — таким, каким было предложено, в таком резком перепаде. Для публики так и осталось загадкой: провалились ли отчаянные попытки ап-грейда — у менеджеров, или личный поиск себя у самого солиста. Но смахивало это на какое-то странное подражание. Или подлог. Длившийся все эти годы.